

Ключи  судьбы



**ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ВАЛЕРИИ ВЕРБИНОЙ
в серии «Ключи судьбы»:**

Любовно–исторические:

Рыцарь темного солнца
Принцесса морей
Синее на золотом

Сериал

«Амалия — секретный агент императора»:

Отравленная маска
В поисках Леонардо
Леги и одинокий стрелок
Ледяной сфинкс
Письма императора
Путешественник из ниоткуда
Ход Снежной королевы
На службе Его величества
Похититель звезд
Ветреное сердце Femme Fatale
Званный ужин в английском стиле
Сапфировая королева
Миллион в воздухе
Золотая всадница
Девушка с синими гортензиями
Одна ночь в Венеции
Аквамаринное танго

Сериал «Агьютанты удачи»:

Агьютанты удачи
Бриллиант Фортуны
Фиалковое зелье

Любовно–криминальные:

Черный нарцисс
Ее любили все
Самый лучший вечер
Разбитое сердце богини
Сиреневый ветер Парижа
Смерть ей не к лицу

Валерия Вербинина



На службе
Его величества



ЭКСМО

Москва 2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
В 31

Оформление серии *Д. Сазонова*

Вербинина В.
В 31 На службе Его величества : роман / Валерия Вербинина. — М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Ключи судьбы).

ISBN 978-5-699-68202-7

Под силу ли одной девушке, даже очень красивой, помешать войне между двумя могущественными державами? Да, если это Амалия, секретный агент русского императора. Для этого ей придется отправиться в Лондон, где она совершенно неожиданно для себя окажется... замужем. Местный аристократ так торопился обвенчаться, что не удосужился рассмотреть лицо невесты за плотной вуалью. Что ж, Амалия постарается выпутаться из этих пикантных обстоятельств с честью для себя и пользой для отечества!

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-68202-7

© Вербинина В., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013



*Из газеты «Патриотическая мысль»
за 19 марта 1885 г.*

Победоносные русские войска вновь показали всему миру, на что они способны. Нет, не перевелись еще герои в матушке-России, и не далее как вчера достойный сын своего Отечества генерал Комаров поддержал славу нашего оружия, упрочив ее еще одной блистательной победой. На южных рубежах нашей державы, близ реки Кушки, которой, вне всякого сомнения, суждено войти в историю, доблестный военачальник нанес сокрушительное поражение войскам афганцев, которые понесли значительные потери. Следует ожидать дальнейшего расширения границ нашей великой Российской империи в Азии. Сердца всех истинных россиян преисполняются радостью при этом известии.

ГЛАВА 1,

*в которой выясняется, что Отечество в опасности
и спасти его может только один человек*

Да, дела обстоят хуже некуда, — признался Багратионов.

Так как его собеседница неоднократно слышала из уст камергера, тайного советника и начальника секретной службы, именно эти слова, она лишь чуть-чуть переместилась в кресле, откинувшись на мягкую спинку, и

машинально отметила про себя, что на сей раз тон начальника серьезен донельзя и в нем сквозит неподдельная озабоченность. Баронесса Амалия Корф, в девичестве Тамарина, славилась своим умением подмечать вот именно такие тонкие нюансы.

— Не преувеличивая, скажу, что мы находимся накануне большой войны, — продолжал Багратионов, меряя кабинет шагами и время от времени останавливаясь, чтобы стереть платком капли пота со лба. Амалия не проронила ни слова. — Ох уж мне этот Афганистан!

Он с отвращением посмотрел на платок, швырнул его на стол, круто развернулся и сел напротив Амалии. Камергер Багратионов был энергичен, сравнительно молод — ему еще не сравнялось и пятидесяти — и замечательно некрасив. Резкие, неправильные черты добродушного лица и круглая, как шар, голова, покрытая жесткими седоватыми волосами, делали его похожим на какого-нибудь смешного мелкого чиновника, которыми полон Петербург, и мало кто подозревал, какие замечательные мысли и прожекты таятся в этой голове.

Его собеседница была полной противоположностью его превосходительству. Баронесса Амалия считалась в свете одной из первых красавиц. Подобно неустрашимому генералу Комарову, она тоже одерживала победы, но на несколько ином поприще. Злые языки шептали, что перед ее чарами капитулировал десяток дипломатов, полсотни аристократов и даже один великий князь, из-за нее будто бы разорвавший помолвку с некой немецкой принцессой. Правда, осведомленные люди утверждали, что он сделал это, по неосторожности поглядев на упомянутую невесту. В свои двадцать два года баронесса жила одна и, если бы захотела, могла подыскать себе любую блестящую партию, но, по-видимому, вовсе к этому не стремилась. Еще до замужества Амалия волею обстоятельств оказалась в особой службе его императорского величест-

ва и, так как ей обычно удавалось то, что не удается другим, в короткий срок сделалась одним из самых ценных агентов империи. Свободное от работы время баронесса посвящала благотворительности и слыла весьма известной филантропкой. Помимо всего прочего, это было безупречное прикрытие для ее основной деятельности, в которой она не знала себе равных. Добавим, что, так как наша героиня была светлой блондинкой с высокими черными бровями и карими глазами, временами отливавшими золотом, перед ней мало кто мог устоять. Даже сейчас, когда она просто сидела, одетая в безыскусное бордовое платье, и сосредоточенно слушала своего собеседника, баронесса была невероятно хороша.

— А все эти генералы... — с горечью продолжал Багратионов, дергая ртом. Подобно многим образованным людям при дворе, он на дух не переносил военных, считая их всех недалекими тупицами. — В мирное время им, видите ли, нейдет. Подавайте им битвы, сражения, звезды на грудь и новые чины. Тьфу! Мочи моей нет терпеть их, Амалия Константиновна. Из-за этого болвана Комарова мы попали в такой переплет!

Багратионов совсем расстроился. Четыре года тому назад, с восшествием на престол нового императора Александра Третьего, он заменил на посту начальника особой службы действительного тайного советника Волынского, ловкого старого проныру и интригана. В отличие от своего более уравновешенного предшественника, Багратионов принимал близко к сердцу дела государства, и Амалии это нравилось.

— Лучше бы он полгода назад проиграл ту проклятую битву, — заключил тайный советник, страдальчески покривившись. — Скольких бы неприятностей нам удалось тогда избежать!

— Генералы не слишком любят проигрывать, — с иронией заметила Амалия.

— Да, но тут исключительный случай. — Багратионов поднялся и подошел к большой карте мира, висящей на стене наискосок от заключенного в золоченую раму портрета государя. — Вот, смотрите, — стукнул он по карте согнутым пальцем. — Видите? Это Туркестанская область. — Палец двинулся по карте вниз. — Вот та самая река Кушка, где в марте наш отважный генерал... впрочем, не буду. — Палец дернулся влево. — Это Персия. — Палец скользнул по карте вправо. — Это Афганистан, который — если бог смилуетя над Россией — англичане никогда не получают. Пока, несмотря на все их усилия, две предпринятых войны и договор о протекторате, им до сих пор не удалось там закрепиться¹. А это, — тайный советник ткнул в огромную область чуть ниже, залитую красивым ярко-розовым цветом, — владения Англии. Индия, Амалия Константиновна.

— Иными словами, — подытожила Амалия, — Афганистан играет роль более или менее нейтральной территории между нашими землями и колониями англичан. И генерал Комаров, схватившись с афганцами и, более того, одержав над ними победу, поставил под сомнение существующий status quo. Так?

Если любознательный читатель захочет с картой в руках проверить высказывания советника и его очаровательной собеседницы, ему следует помнить, что Индия в XIX веке включала в себя и территорию современного Пакистана, а Персия — это всего лишь традиционное русское наименование Ирана.

¹ В первой англо-афганской войне 1838—1842 годов англичане потерпели поражение. Вторая война шла с 1878 по 1880 г. Ее результатом был Гандамакский договор о протекторате Англии над Афганистаном. Кстати, именно во вторую войну, в сражении при Мейванде, где англичане были разбиты, получил ранение небезызвестный доктор Ватсон (см. «Этюд в багровых тонах» Артура Конан Дойля).

— Хуже всего, — вскинулся Багратионов, — что Комаров, по сути, сумел одержать победу не над афганцами, а над англичанами, которые стояли за их спиной и направляли этот набег. Вот ведь что скверно!

— Единственное, чего я не поняла, читая газеты, — так это на чьей территории все-таки произошло сражение, — заметила Амалия.

— Этого никто не знает. — Тайный советник обеими руками яростно взъерошил свои короткие волосы. — Мы в свое время столько твердили о наших правах на Константинополь и прочая, что все успели нам поверить, и теперь, Амалия Константиновна, англичане чувствуют, что мы представляем для них серьезную угрозу. — Багратионов рухнул в кресло. — Теперь вы видите, баронесса, к чему приводят неразумные действия некоторых военных.

— А мы действительно так опасны для англичан? — спокойно спросила Амалия.

— В смысле собираемся ли мы угрожать их колониям в Индии? — Багратионов взволнованно приподнялся. — Бог мой, Амалия Константиновна, нет! Конечно же, нет. У нас нет для этого ни сил, ни средств, ни, откровенно говоря, желания. Но тем не менее англичане волнуются, и их можно понять. Представьте себе, что отыщется какой-нибудь новый Скобелев, которому взбредет в голову прослыть героем. Дуракам, знаете ли, везет, и всегда не тогда, когда нужно. А что будет, если какой-нибудь такой... герой возьмет и, не дожидаясь приказа из Петербурга, двинется на Кабул? Все же помнят, как двадцать лет назад Черняев самовольно занял Ташкент, хотя его никто об этом не просил¹. Но то был никому не

¹ В июне 1865 г. генерал М. Г. Черняев, используя благоприятные обстоятельства и не испросив согласия из столицы, штурмовал и захватил Ташкент, принадлежавший Кокандскому ханству.

нужный Ташкент, а тут — территория, на которую претендуют англичане. — Багратионов тяжело вздохнул. — И тогда, Амалия Константиновна, заварится такая каша, расхлебывать которую нам придется очень долго.

Амалия слушала тайного советника, постукивая кончиком вышитой туфли по двухвершковому ковру, устиланному пол кабинета, и думала, что Петр Петрович Багратионов все-таки несправедлив к военным. И не все они дураки, и, кроме того, следует принять во внимание, что служба у них тяжелая и ответственность они несут не за кипы бумажек, а за реальные человеческие жизни, — не говоря уже об условиях, в которых им приходится порой воевать. Как генерал Гурко в двадцатипятиградусный мороз переходил Балканы и занимал Софию, а? А героическая оборона города Баязет без воды в сорокаградусную жару? А защита Шипкинского перевала, который удерживали — и удержали! — против значительно превосходящего противника?¹ Хорошие военные любой державе нужны не меньше, чем опытные дипломаты и даже камергеры, так что многоуважаемый господин советник зря брюзжит.

— Следует ли понимать слова вашего превосходительства так, — осведомилась Амалия ровным голосом, — что война с Англией может начаться в любую минуту?

Тайный советник поник головой.

— Я бы сказал, что война неизбежна. Англичане испокон веков стремятся к безопасности в пределах своих владений, для чего, кстати, максимально расширяют их, и им совсем не улыбается терпеть возле себя наше присутствие. И до кушкинской эпопеи наши отношения складывались, мягко говоря, неудачно, а теперь — и по-

¹ Имеются в виду эпизоды недавней русско-турецкой войны (1877—1878).

давно. Это злосчастное столкновение показало, что ни им, ни нам больше некуда деться: мы подошли вплотную к границам друг друга. Эпоха завоеваний закончилась, Амалия Константиновна. Мы слишком глубоко завязли в Средней Азии, чтобы теперь выбираться оттуда. В свою очередь, англичане ничем не дорожат так, как Индией, и ради нее пойдут на все. Англичане — люди храбрые, но не в этом дело, ибо на любую храбрость всегда сыщется еще большая. Дело же в том, что они еще и невероятно коварны. Начнешь воевать с ними, так они против тебя всю Европу поднимут, а это России вовсе не нужно. В турецкую войну мы едва не взяли Константинополь, но это потому, что другие державы не вмешивались до поры до времени, рассчитывая, что мы сами сломаем себе шею. Сейчас нам даже не дадут вывести флот в Черное море. Нет, нам надо сделать все, чтобы избежать войны, но... без ущерба для нашего престижа. — Багратионов поднял глаза к портрету в золоченой раме, изображавшему немолодого человека с окладистой бородой, высоким лбом и пронизательными глазами. — Политика его императорского величества — сохранять повсюду мир, насколько возможно. Сами знаете, как это просто — ведь Франция с Германией только и ждут повода, чтобы вцепиться друг другу в горло, а Бисмарк с австрийцами интригуют против нас и повышают пошлины на русские товары. Французы — наши верные союзники, но чего от них ждать, если адмирал Жорес, которого они пару лет назад прислали сюда в качестве посла, заявил, что России не повредил бы республиканский строй. Каково, а? После того как предыдущий царь был зверски убит этими поборниками свободы...

— Но неужели великий Горчаков не сумел заключить никаких военных союзов, благоприятных для нас? — прервала его Амалия.

Под «великим Горчаковым» подразумевался знаме-

нитый дипломат, министр иностранных дел при нескольких царях, известный, помимо всего прочего, еще и тем, что был когда-то лицейским товарищем поэта Пушкина. Князь Горчаков ушел в отставку в 1882 году, когда ему было уже ни много ни мало восемьдесят четыре года.

— Разумеется, — неохотно согласился Петр Петрович. — Есть союз трех императоров — российского, немецкого и австрийского — об обоюдном нейтралитете в случае войны с четвертой державой. Таким образом, если мы, на горе себе, сцепимся с Англией или если нас опять потянет проветриться в Константинополь, немцы и австрийцы не будут воевать против нас. Но никто, Амалия Константиновна, не сможет помешать им скрытно помогать нашему противнику, если они сочтут это выгодным для себя. Доказательством служит то, что мы все больше и больше теряем из-за них наше влияние в Болгарии, освобождению которой, заметьте, сами же и способствовали, а сейчас дело идет уже к полному разрыву отношений. Наш союз с французами более выгоден французам, чем нам, и если англичане решатся напасть на нас, нам никто не придет на помощь. Срок союза трех императоров истекает в 1887 году, а потом — полная неизвестность. Так что...

Багратионов сделал значительную паузу, во время которой Амалия начала с преувеличенным вниманием разглядывать ажурное обручальное кольцо на своем безымянном пальце.

— Я виделся недавно с его императорским величеством, — заговорил снова советник, — и он тоже придерживается мнения, что нам надо сделать все от нас зависящее, чтобы не допустить войны сейчас. Поэтому мы и подумали о вас.

В глубине души Амалия забавлялась. Они что, назначат ее главнокомандующим армиями? Или поручат ей устранить английскую королеву Викторию, толстую страхолюдную бабу, которая терпеть не может Россию и русских?

— В Англии, — продолжал тайный советник, — существует группа людей, всеми способами подталкивающая страну к войне с нами. Возглавляют ее двое, и они особенно опасны, ибо имеют деньги, власть и влияние, позволяющие им делать все, что заблагорассудится. Первый — Джордж Лаймхауз, баронет и владелец сталелитейных заводов. Он крупнейший производитель пушек и прочих видов оружия, так что война для него — всего лишь средство пополнить свой кошелек. Его отец сказочно обогатился во время Крымской кампании, и втайне Лаймхауз мечтает превзойти достижения родителя. Второй — лорд Ундервуд, или лорд Печатный Станок, как его еще именуют. Ежедневный тираж его изданий — пять миллионов экземпляров с лишним. Он выпускает такие газеты и журналы, как «Бритиш Уорд», «Ньюс энд Сториз», «Пикчер Ревью» и другие. Владея ими, он может направлять общественное мнение в нужное ему русло. Раньше он видел в войне с нами лишь повод для курьезных карикатур, которыми усеяны страницы его изданий, но с некоторых пор все переменялось, и недавно мы получили достоверные сведения о том, что он и Лаймхауз заключили союз и действуют сообща. В войну тиражи газет взлетают до небес, потому что все жаждут знать последние известия, и, если война разразится, Ундервуд внакладе не останется. Кроме того, Лаймхауз обещал ему солидную долю акций своих бирмингемских заводов. Новоявленные союзники уже купили или привлекли на свою сторону нескольких политиков, например лорда Сеймура, и заручились поддержкой кое-кого из членов королевской семьи. Так вот, Амалия Константиновна, этой *entente cordiale*¹ прессы и пушки надо положить конец. Любыми средствами.

¹ Сердечное согласие (*фр.*).

— А что же общественное мнение? — спросила Амалия. — Неужели оно так просто позволяет собой манипулировать?

У Багратионова вырвался тихий смешок.

— Помните, Амалия Константиновна: англичанин Карлейль сказал о человеческом роде, что почти все люди — дураки. Так вот я бы не рискнул оспаривать это утверждение, хотя оно и задевает порядком мое самолюбие.

«Гм, надо будет почитать этого Карлейля», — подумала Амалия, но вслух ничего не сказала.

— Ваша задача — не допустить войны между Россией и Англией, — продолжал Багратионов. — Как — я вам уже сказал. С помощью чего вы это сделаете, мне безразлично. И его императорскому величеству тоже.

— Иными словами, — проговорила Амалия, которая любила расставлять все точки над *i*, — если я сочту целесообразным устранить лорда Ундервуда или баронета Лаймхауза, то есть устранить физически...

— Разумеется. Но чтобы на нас не пало и тени подозрения, Амалия Константиновна! Надеюсь, вы это понимаете.

Легкий холодок пробежал у Амалии по позвоночнику. Никогда еще ей не давали понять яснее, что она может убить человека — даже двух — по своему усмотрению. И это ей не понравилось.

— Когда вы отправитесь в Лондон? — спросил тайный советник, ища глазами свой платок, который куда-то запропастился.

— Завтра же, — сказала Амалия. — Мне нужны подробнейшие досье на обоих джентльменов.

— Вы их получите. Парижский экспресс отходит в час дня. Под каким именем вы едете?

— Под своим. Меня и так достаточно знают. Надеюсь, в Англии не осведомлены, зачем я туда направляюсь?

— Исключено, Амалия Константиновна. Решение

послать вас было принято его императорским величеством и мной, и о нем никого не уведомляли. Вы едете с дипломатическим паспортом?

Преимущество дипломатического паспорта заключалось в том, что его обладателя было невозможно арестовать. Однако, когда тебя посылают на более чем сомнительное задание, спасительный с виду паспорт может обернуться нешуточной помехой — ведь если дело, не дай бог, провалится, поднимется такой скандал, от которого не спасет никакая неприкосновенность, и тогда пострадает не одна Амалия, а весь российский дипломатический корпус. Поэтому баронесса ответила:

— С обычным. Дипломатический паспорт может осложнить мою миссию.

— Наш посол в Лондоне — князь Голицын. Если возникнут какие-либо затруднения, обращайтесь к нему, он вас выручит.

И галантный Петр Петрович поцеловал даме руку, проводив ее до дверей кабинета.

ГЛАВА 2,

*в которой друзья наперебой дают советы,
а враги плетут козни*

— Ну, удружил!..

Амалия была раздражена и имела на то все основания. Бывало, ей давали трудные поручения... бывало, ей давали поручения неприятные... но никто еще не требовал от нее невозможного!

Шутка ли — предотвратить войну! Даже если знаешь, что ее очень хотят развязать в своих интересах всего два джентльмена средних лет. А что, если момент уже упущен? Если королева твердо решила воевать с Россией?